

ЛОГИКА ТОЛЕРАНТНОСТИ И ПРАВА

Настоящий сборник материалов научной конференции «Логика толерантности и права» (Екатеринбург, 24—25 декабря 2001 г.) — одна из форм представления результатов и перспектив научных исследований по теме «Логика толерантности», которая разрабатывается Уральским межрегиональным институтом общественных наук (Уральским МИОН). Кроме России, в конференции участвовали Украина, Киргизия и Германия. Наряду с Екатеринбургом были представлены такие города, как Москва, Санкт-Петербург, Одесса, Харьков, Бишкек, Берлин и Галле.

Конференция способствовала преодолению существующего культурно-психологического барьера, «полосы отчуждения», неведения и неприязни между представителями «точных» и «гуманитарных» наук вообще и в процессе исследования проблем толерантности в особенности. Конференция показала, что, к сожалению, в настоящее время «гуманитарии» (к которым все юристы и не все, но почти все философы себя относят) убеждены, что «толерантность» есть понятие специфическое именно для гуманитарных наук, и они очень удивляются, узнавая, что математики и логики считают это гуманитарное понятие своим, т. е. собственно математическим. В свою очередь, математики и логики тоже удивляются тому, что, оказывается, и гуманитарии почему-то начали интересоваться этим математическим понятием. Налицо взаимная неосведомленность, невежество, которое не способствует развитию взаимопонимания и толерантности между математиками и гуманитариями. К сожалению, в настоящее время отношение специалистов в области права к попыткам логико-математического моделирования юридических систем и процессов нельзя назвать толерантным. Оно скорее есть отношение явной или в какой-то мере

скрываемой неприязни и отторжения, саботажа и игнорирования. В частности, это относится и к попыткам создания социального института (в смысле признанной обществом системы) профессиональной логической экспертизы логической структуры систем суждений и рассуждений, используемых в ходе юридических (судебных, например) процессов.

Конференция в какой-то мере оказала влияние на выработку взаимопонимания, формирование общего языка и способствовала обмену (на этом языке) результатами научного исследования проблем толерантности между представителями правовой культуры и представителями культуры логики-математической. Это тем более важно, что в настоящее время в государственный стандарт юридического образования включен предмет «Математика и информатика», в ходе изучения которого уместно рассматривать математические модели не механических или физических систем и процессов, а систем и процессов юридических. Но где адекватные математические модели этих процессов? Разве они уже есть? Их практически нет, и поэтому в ходе изучения упомянутого учебного курса студенты-юристы имеют дело с задачами из небесной механики или экономики, что вызывает в среде юристов очень сильный протест, нейтрализует усилия преподавателей-математиков.

Строго говоря, некоторые простейшие (двузначные и трехзначные) дискретные математические модели права и его логики уже существуют, но, по общему мнению участников дискуссии, имеющиеся модели остро нуждаются в повышении степени их адекватности. Дискретные математические модели ригористических (нетолерантных) правовых систем в настоящее время имеются и отчасти разработаны, но от них необходимо перейти к более сложным и реалистичным математическим моделям толерантных правовых систем и процессов. Для этого необходимо привлечение соответствующего математического аппарата, который независимо от юриспруденции возник и развивается в сфере математики и логики. С другой стороны, логикам и математикам, давно уже разрабатывающим такой аппарат, было интересно и полезно познакомиться с классами прикладных задач, возникающих в сфере права, к которым можно и нужно применять этот логики-математический аппарат,

а также с возникшими в ходе реальной юридической деятельности практическими приемами решения такого рода задач.

Настоящий сборник содержит три раздела: 1) «Логика толерантности»; 2) «Логика права»; 3) «Логико-философские аспекты толерантности, политики и права». В разделе, посвященном логике права, представлен обзор конкретных проявлений толерантности в праве и предпринят их основательный теоретический анализ. Кроме того, авторами сборника предприняты интересные историко-правовые исследования толерантности и ее логики в американском (США), европейском, и особенно в российском праве вообще и в доктрине прав человека в частности. Например, статья «Проявления толерантности в соседском праве» содержит результаты интересного исследования сервитутов как ярких проявлений толерантности в праве (от римского права до современного). Большой интерес в связи с философией и логикой права представляет статья «Философские основания юридической логики в США в 20—40-е годы XX века: “правовой реализм”». Наряду с фундаментальными теоретическими проблемами в разделе «Логика права» обсуждаются и более частные, но имеющие практическое значение вопросы, например, проблема толерантности к применению в языке права художественных средств. Исследуются условия, при которых отношение к применению этих средств является нетолерантным («чисто» позитивное право и отсутствие состязательности в судебном процессе) или, наоборот, толерантным (сочетание позитивного права с естественным и наличие элементов состязательности в судебном процессе).

В пограничной (относящейся и к разделу «Логика права», и к разделу «Логика толерантности») статье «Дискретная математическая модель естественного права и государства: от логики ригоризма к логике толерантности» на уровне двузначной алгебры поступков и трехзначной алгебры действий представлена логико-математическая модель естественно-правовой (морально-правовой) нетолерантности и толерантности. Автор рассматривает нетолерантное (ригористическое) правовое государство как некий фильтр «абсолютно тонкой очистки» (множества поступков от плохих

поступков) в алгебре поступков, а толерантное правовое государство — как некий толерантный (к незначительным инородным примесям) фильтр «относительно тонкой (в каком-то отношении грубой) очистки» в алгебре действий. (Слово «фильтр» используется в статье не только в обычном, но и в собственно математическом значении.) В статье исследуется специфика логики рассуждений Дж. Локка в его знаменитом «Письме о веротерпимости». По мнению автора, эта логика есть конкретный пример логики толерантности. В качестве одного из важнейших конкретных примеров логики толерантности в праве анализируется Первая поправка к Конституции США.

В ряде статей сборника так или иначе затрагиваются актуальные теоретические и практические проблемы борьбы с терроризмом как ярчайшим проявлением нетолерантности (религиозной, этнической, классовой и т. п.). В связи с практической задачей борьбы с международным терроризмом обсуждается теоретический парадокс толерантности, согласно которому отношение к абсолютной нетолерантности не может быть абсолютно толерантным. Нельзя быть толерантным к террористам. Толерантность должна быть относительной, т. е. она должна существовать в некоторых пределах (границах меры).

Раздел «Логика толерантности» содержит статьи, посвященные исследованию «чисто» (собственно) логического аспекта проблемы толерантности. В этой связи интересен доклад члена-корреспондента РАН В. Д. Мазурова об отношениях толерантности и эквивалентности в математике и логике, об их значении для теории классификации и для теории принятия решений. Автор подробно рассмотрел вопрос о толерантном отношении к логической противоречивости формулировок задач и о возможности нахождения разумных решений для таких задач. В. Д. Мазуров предложил оригинальный вариант паранепротиворечивой логики. А. В. Родин (Институт философии РАН, Москва) сформулировал и исследовал в своем докладе интересную гипотезу о соотношении экстенциональности и интенциональности в теории множеств (и их элементов). Он рассмотрел также возможность приложения этой гипотезы к юридической теории коллективных и индивидуальных субъектов

права — юридических и физических лиц соответственно. Для адекватного осознания темы «Логика толерантности» большой интерес представляет статья А. Г. Кислова о многообразии неклассических логик как о многообразии конкретных проявлений толерантного отношения к всевозможным отклонениям от классической логики. Основываясь на этом важном общетеоретическом положении, А. Г. Кислов подробно проанализировал возникающую в связи с динамической логикой конкретную проблему взаимосвязи толерантности и изменения (логико-семантический аспект). На общепhilosophическом уровне во многом перекликается со статьей А. Г. Кислова публикация И. И. Ивановой (Бишкек) о рационалистических ересьях как средстве деуниверсализации классической логики. В статье Г. К. Ольховикова конструируется и всесторонне рассматривается некий ранее никем не предлагавшийся конкретный вариант такой неклассической трехзначной логики, которая толерантно относится к нарушениям законов противоречия и исключенного третьего. В публикации С. Ю. Уколова обсуждается возможность подхода к системе (классификации) логики как к системе (классификации) софизмов; автор демонстрирует свою идею на конкретном материале из сферы юридических рассуждений.

В статьях, относящихся к разделу «Логико-philosophические аспекты толерантности, политики и права», слово «логика» используется, как правило, не в том специальном значении, которое типично для современного логико-математического научного сообщества, а в некоем более древнем и широком общепhilosophическом смысле, или же как метафора. Не будучи посвящены конструированию искусственных математических языков, алгебраических моделей и логических исчислений, а также обсуждению специально-логических вопросов, относящихся к этим искусственным конструкциям, упомянутые общепhilosophические доклады тем не менее вызвали интерес участников конференции (в том числе и некоторых логиков-математиков) и время от времени приводили к эвристически значимым «стыковкам» логико-математических и логико-philosophических значений словосочетания «логика толерантности».

Хотелось бы также высказать некоторые соображения

о перспективах представленного в сборнике научного направления, т. е. о тех возможных траекториях движения исследовательской мысли, по которым целесообразно двигаться дальше. В настоящее время уже очевидно, что сводить всю проблематику взаимодействия права и логики к взаимоотношению права и классической логики бесперспективно. Почему? Потому, что классическая логика — образец нетолерантного отношения к любым отклонениям от абсолютно четкого «черно-белого» идеала мышления. Что же касается права, то даже в том случае, когда мышление теоретиков права является нетолерантным, на практике право вынуждено быть толерантным и, следовательно, в этом случае между теорией и практикой права есть серьезное противоречие. Для того, чтобы это противоречие снять, необходимо толерантной практике права поставить в однозначное соответствие некую толерантную теорию права. Такая теория права должна базироваться на некоей неклассической логике, точнее, на неклассических логиках или их специфическом сочетании. (Наиболее вероятно именно комбинация нескольких логик.) Понятно, что то, какая именно неклассическая логика (или какое именно сочетание неклассических логик) наиболее соответствует правовой практике, должно определяться не абстрактно, а в процессе прикладных логико-правовых исследований. Однако очевидно, что упреждающие фундаментальные исследования в сфере неклассических логик, создающие некий запас возможных абстрактно-теоретических конструкций, представляют большую ценность для упомянутых прикладных логико-правовых изысканий. Если в этом запасе уже есть близкая к целям юридической теории и практики логико-математическая конструкция, то прикладная задача становится более легкой. Она в этом случае сводится к задаче «доводки» уже имеющейся логико-математической модели до уровня тех требований, которые диктуются спецификой области приложения, а именно спецификой права. Итак, фундаментальные исследования разнообразных неклассических логик — важное научное направление в изучении проблемы толерантности, ибо нередко конкретные практические (или частно-научные) проблемы толерантности (например, в праве) решаются неэффективно именно потому, что не решены еще некие

принципиально важные проблемы логики толерантных рассуждений (или же логиками они уже решены, но практики или представители частно-научных дисциплин об этом не знают).

Еще одно очень важное направление совершенствования взаимодействия юридической теории и практики с логикой заключается во всестороннем подходе к праву. К сожалению, в настоящее время подход к праву является, в подавляющем большинстве случаев, односторонним, а именно: на право обычно смотрят с такой стороны, с которой оно предстает как позитивное и только позитивное право. Это — либо проявление ограниченности юридической практики, либо проявление юридического позитивизма в теории государства и права и в философии права. При некоторой ограниченности юридической практики, например при «чисто механической» работе в правоохранительных органах (в частности, в милиции) юридический позитивизм не мешает. Более того, запрещая думать о «лишнем», он даже помогает высвободить некие дополнительные ресурсы. Но на уровне философии права и даже на уровне специально-научной (общеправовой) теории государства и права юридический позитивизм уже неприемлем, так как для адекватного решения многих практических и теоретических задач, например в сфере законотворческой деятельности, он оказывается существенно недостаточным. Для успешной компенсации его недостаточности необходимо привлечение, во-первых, доктрины естественного права и, во-вторых, теории обычного права.

К сожалению, сколько-нибудь развитой теории обычного права (в которой право рассматривается как некая система обычаев, т. е. типичных, наиболее вероятных вариантов фактического поведения людей в указанных условиях) в настоящее время у юристов нет, а общаться по этому поводу с математиками и логиками они не хотят. Более того, юристы-теоретики обычно отрицают даже возможность и необходимость существования такой частной теории в рамках общей (синтезирующей) теории права. Отсюда следует, в частности, недоумение и раздражение большинства юристов по поводу включения математической теории вероятностей и статистики в курс математики для юристов.

По их глубокому убеждению, математическая статистика и теория вероятности юристам абсолютно не нужна ни на практике, ни в теории. Однако это широко распространенное среди юристов мнение ошибочно. Следствием этой ошибки является в некоторых сложных случаях их неспособность адекватно оценивать эффективность правовых норм (имеются в виду нормы позитивного права, т. е. «приказы суверена»), отсутствие у субъектов законоотворчества «обратной связи» с системой фактов, работа законодателей «вслепую», «наугад». Результат такой работы «наугад» — плачевные ошибки в установлении конкретных пределов толерантного отношения к несущественным отклонениям фактов поведения от предписанных законодателем норм поведения.

У современных юристов нет не только достаточно развитой теории обычного права, но и достаточно развитой теории естественного права (в которой право рассматривается как некая универсальная система ценностей, т. е. тождественно хороших морально-правовых форм деятельности субъектов). Более того, типичные юристы-практики и типичные юристы-теоретики нашего времени обычно отрицают как необходимость, так и возможность существования теории естественного права (как системы) в качестве относительно самостоятельной части общей (синтезирующей) теории права. Отсюда следует, в частности, недоумение и раздражение подавляющего большинства юристов по поводу включения основ теории множеств и математической логики (в особенности элементов логической семантики для исчисления предикатов) в курс математики для юристов. По их глубокому убеждению, эти предметы юристам абсолютно не нужны ни на практике, ни в теории. Однако это широко распространенное среди юристов мнение ошибочно. Следствием указанной ошибки является в некоторых сложных случаях неспособность юристов давать адекватную нравственную оценку нормам позитивного права, генерируемым законодательными органами. Это означает отсутствие у законодателей эффективной «обратной связи» с существующей в обществе системой нравственных ценностей и оценок, их работу с оценочными нравственными категориями на «чисто интуитивном уровне», т. е. «вслепую».

Результат такой работы «наугад» — грубые (иногда даже трагические) ошибки в установлении конкретных пределов толерантного отношения к несущественным (пустяковым) отклонениям норм позитивного права от общечеловеческих ценностей.

Но как можно говорить о естественном праве как системе, если ни в одном из широко известных основных источников естественно-правовых взглядов (от Аристотеля, Цицерона, Августина Блаженного и Фомы Аквинского до Гуго Гроция, Томаса Гоббса и французских материалистов) никакой достаточно ясной и строгой системы дефиниций и законов естественного права нет (что и послужило основной причиной повсеместного упадка естественно-правовых идей в начале XIX века)? В философско-методологическом отношении абстрактный ответ на вопрос «Как (каким образом, в какой форме, на каком языке) можно и нужно говорить о системе естественного права?» известен с давних пор. Этот абстрактно-философский ответ заключается в том, что адекватной формой существования, развития и изложения системы естественного права является логика и математика, а в наше время можно сказать еще точнее, указав в качестве адекватной формы изложения и развития системы естественного права язык и метод современной математической логики, теории множеств и абстрактной алгебры. В этом отношении представляется справедливым (и весьма показательным) мнение С. Е. Вершинина, который, ссылаясь на Эрнста Блоха, пишет: «...естественное право делает акцент на достоинство человека, форма его изложения — дедукция из априорных принципов. При этом важным остается использование логики. Блох отмечает, что классическое естественное право со времен С. Пуфендорфа является одной из самых сознательных попыток применения прикладной логики. Вообще моделью для естественного права была математика, что придавало ему черты природной и естественнонаучной рациональности. В этой дедуктивной логичности — сила естественного права» [Вершинин С. Е. Жизнь — это надежда. Введение в философию Эрнста Блоха. Екатеринбург, 2001. С. 163].

Гуго Гроций — классик естественно-правовой мысли — пишет о значении логико-математического метода для теории

естественного права следующее: «Тот будет несправедливо думать обо мне, кто полагает, что я затрагиваю какие-либо жгучие современные вопросы, как уже возникшие, так и такие, возникновение которых возможно предвидеть. Ибо поистине признаюсь, что, говоря о праве, я отвлекался мыслью от всякого отдельного факта, подобно математикам, которые рассматривают фигуры, отвлекаясь от тел» [Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1948. С. 28]. В другом месте своего знаменитого труда Гуго Гроций пишет о естественном праве как отрасли юриспруденции: «Многие до сих пор предпринимали попытку придать этой отрасли научную форму, но никто не сумел сделать это; да, по правде говоря, это и невозможно было выполнить иначе, как тщательно отделив то, что возникло путем установления, от того, что вытекает из самой природы, а на это до сей поры как раз и не было обращено должного внимания. Ибо ведь то, что вытекает из природы вещи, всегда пребывает тождественным самому себе и потому без труда может быть приведено в научную форму; то же, что возникло путем установления, часто изменяется во времени и различно в разных местах, а потому и лишено какой-либо научной системы, подобно прочим понятиям о единичных вещах. Поэтому, если бы жрецы истинной справедливости предприняли изложить отдельно естественную и неизменную часть юриспруденции, выделив то, что имеет источником свободную волю... то из собрания всех таких частей могла бы получиться стройная система». [Гроций Г. Там же. С. 17—18]

Итак, если естественное право существует и необходимо для универсальной юридической теории и практики, то в интересах развития, изложения и практического применения этого права нужно представить его как стройную систему определений и законов. Одних только абстрактных философских разговоров о логико-математической системе и методе естественного права явно недостаточно. Нужны конкретные попытки построения, исследования и развития такой системы (или систем). Широко известна лишь одна конкретная попытка такого рода, а именно предложенное Б. Спинозой «изложение этики в геометрическом порядке», но она оказалась неудачной. Одной из важных причин этой неудачи

(наряду со многими другими) было то, что до сих пор никто из сторонников естественно-правовой доктрины (в том числе и Б. Спиноза) не попытался представить естественное право как систему морально-правовых ценностных функций от какого-то конечного числа морально-правовых переменных, т. е. не попытался рассмотреть систему естественного права как некую алгебраическую систему. В настоящее время (с конца 70-х — начала 80-х гг. XX в.) наиболее простой вариант такого рода логико-алгебраической модели естественного права уже существует и всесторонне исследуется. Проблемы и перспективы дальнейшего развития этой дискретной математической модели естественного права (алгебры поступков) обсуждались также и на конференции «Логика толерантности и права». В связи с вышесказанным резонно рассматривать принципиальное нежелание значительного числа юристов изучать основы математической логики и теории множеств в ходе своей профессиональной подготовки как специфическую форму их принципиального нежелания признавать естественное право как не только реально существующую, но и необходимую часть юридической культуры. Авторы представленных на конференции докладов и помещенных в настоящем сборнике статей стремились содействовать преодолению философско-методологической ограниченности юридического позитивизма, активно обсуждая как логику позитивного права, так и логику права естественного.

Проведенная в г. Екатеринбурге 24—25 декабря 2001 г. научная конференция «Логика толерантности и права» и предлагаемый вниманию читателей одноименный сборник докладов и тезисов выступлений ее участников представляют собой попытку продвинуться вперед в изучении: 1) логико-математических и логико-философских аспектов толерантности; 2) взаимодействия логики и права вообще, а также специфики их взаимоотношения в связи с проявлениями толерантности как в праве, так и в логике.

В. О. Лобовиков